

ПИСЬМА Ф.А. СТЕПУНА С.Л. ФРАНКУ И Т.С. ФРАНКУ*

1

Дорогой Семён Людвигович.

Простите, пожалуйста, мое неприличие: не умею я справляться с техникой жизни – своевременно отвечать на письма, не терять адреса и т.п.

Вашу очень интересную статью сейчас же передал Кронеру¹. Он очень благодарит, но просит не сетовать, если она пойдет не сразу. Ближайшие три книги² уже окончательно составлены.

Что касается второй статьи, то “Логос” её тоже, конечно, охотно напечатает. Вопрос только в сроках. Живя в Дрездене, я, впрочем, пока жму на Кронера и в этом смысле. Простите краткость заметки. Сегодня очень некогда. В следующем № Совр(еменных) Зап(исок) идет интересная заметка Чижевского³ о Вашей статье (русс. философия)⁴.

Пересылаю Вам свою статью о романтизме и Славянофилах⁵. Третьего дня читаю доклад о русской Интеллигенции в Социологическом институте Лейпцигского университета. Познакомился с Фед. Алек. Брауном (?). Очень кажется милый и живой человек.

Сердечный привет Татьяне Сергеевне⁶ и Вам от нас обоих.

Ф. Степун

2

Дорогой Семён Людвигович,

виноват – всё время помнил, но в последнюю минуту – забыл.

Согласен читать в Субботу 29 или 22 января. Смогу прочесть только одну лекцию. Тема согласно Вашему желанию: “Hauptrichtungen der russischen Bühnenkunst”⁷.

С Кронером я переговорил о Вашей статье для “Логоса”⁸. В Вашем распоряжении 2 листа, т.е. 32 страницы. Ближайшие два № “Логоса” уже составлены. Ваша статья сможет появиться, вероятно, лишь через 1/2 года. Все же было бы приятно иметь ее месяца через 2; есть шанс напечатать её и раньше, небольшой, но есть. Гонорар, кажется, 100 д.мр. (Deutsche Mark) за лист, я еще справлюсь. Я получил Ваш предмет знания⁹: мне кажется, было бы весьма интересно, если бы Вы изложили свой Птолемеевский переворот в гносеологии¹⁰.

* Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p. (Далее все письма С.Л. Франку и Т.С. Франк из этой коллекции). Публикация и комментарии В.К. Кантора.

Прочел Вашу статью о русском мирозерцании¹¹. В последнем счете я с ней согласен. В последнем счете очень верно подчеркнутость духовной трезвости как конститутивной категории русской духовности, но верно и то, что у Достоевского “идея” всегда противостоят иступление и восторг. Не согласен я с пониманием немецких романтиков; они тоже были трезвенниками: они писали и любили сказки; сказки же действительность, а не мечта. Я уверен, что многое, что Вы в Славянофилах относите на счет Православной онтологии, необходимо отнести на счет немецкой романтики¹². Величайшее доказательство этому язык.

Но обо всем этом писать невозможно.

Татьяне Сергеевне и Вам от нас обоих сердечный привет.

Ваш Ф. Степун

P.S. Lenerer'у из днях напишу.

3

Дорогой Семён Людвигович,

Спасибо за письмо. Хотелось бы очень написать Вам в ответ на него настоящее послание, но очень некогда. Главное: 1) я ничего не имею против упрощения, как формы изложения; тут Вы правы, нам писать не для кого. Но я протестую против упрощения, как формы созерцания явлений. Я тоже складываю свои философские сложности в ящик... если и не письменного стола, то сознания, но зато сложно пишу о Струве, Пешехонове, Бердяеве, грехах демократии и т.д. Вероятно, Вам эти писания представляются излишними. Вы пишете, что вопросы политики сейчас вопросы практики, а не философии. Вот тут у нас с Вами расхождение. Я уверен, что все вопросы политики – вопросы философии, ибо в основе всякой практики всегда лежит философия. Образ будущей России безусловно будет зависеть от того, сколько жалованья будет получать священник, сколько учитель и сколько жандарм. Соотношение вместе этих цифр – центральная философская проблема. Пока на этом прерываю мои намеки. Бог даст, поговорим при свидании поподробнее. Теперь о деле. В качестве темы одной публичной лекции я предложил бы “die Dämonen von Dostoevskiy & die bolschewistische Dämonie”¹⁴. Что же касается лекций о театре, то при всём моем желании прочесть курс даже в том усеченном виде, как Вы предлагаете, в этом семестре не могу. Очень завален, задушен работой.

С удовольствием возьмусь за это дело в следующем зимнем семестре.

Наталья Николаевна и я шлем Вам и жене Вашей душевный привет.

Искренне Ваш Ф. Степун.

Dresden, 12-го сент. 1926.

Дорогой Семён Людвигович,

Большое спасибо за письмо: рад, что Вы прочли “Прапорщика”¹⁵ с интересом. При свидании мне будет важно побеседовать с Вами о нем. Да и вообще очень хочется побеседовать о многом. Я написал маленькую статью о “Пути” для “Современных Записок”¹⁶. Во время изучения четырех № очень волновался пленительным, но по мне вредоносным сочетанием выдумки и мысли, свойственным русской философии. Очень много выдумки и выдумки очень большого масштаба; хотелось бы больше детали, больше работы через лупу. Особенно всё это чувствую, читая любимого мною Бердяева. Есть в нем какое-то кустарничество, вещь, конечно, святая и артистическая, но всё же не могу я уйти из-под гипноза высокодифференцированного западноевропейского мышления. Ваша статья в 1 №¹⁷ очень верная, если хотите, даже мудрая, но в ней нету приводного ремня к современности, не к категории современности, а к тому, что будет “завтра” в России, на съездах либералов, демократов, с.р. и с.д.... Ужасно необходимо, чтобы из политики исчез политиканствующий публицист и вообще всякий профессиональный политик, с утра впускающий от набивающих его карманы газет. Для того чтобы он исчез, надо, чтобы было кому его заменить. Вот этой заботы в “Пути” нет. “Путь” игнорирует политику, а политика (не политиканство) сейчас та сфера, та территория, на которой разрешаются вовсе не политические, а религиозные и метафизические проблемы. Простите это неожиданное вступление.

Что касается Вашей статьи о Леонтьеве, то очень прошу прислать мне ее переписанную на машинке, или, если от руки, то очень четко. Это почти основное условие успеха. Я приложу к ней письмо к Muth'у¹⁸ и отправлю в Мюнхен¹⁹. Если там не удастся, то могу переслать еще Мартину Буберу²⁰ для его журнала “Die Kreatur”. Во всяком случае постараюсь сделать всё, что могу. Темой своей берлинской лекции я выбрал бы: “Romantik und Slawophilentum”²¹. О дне предполагаемой лекции прошу мне сообщить заранее. Имейте в виду, что я свободен только во вторую половину недели.

С душевным приветом Вам и жене от нас обоих

Ваш Ф. Степун

P.S. О теме подумаю. Только что получил письмо от Либерта (Karl Sedellschnap) и вспомнил, что на предложенную Вами тему читаю 6 ноября в Берлине.

Dresden, 6-го ноября 1927 г.

Дорогой Семён Людвигович, простите ради Бога, что так долго не отвечал Вам. Много на это причин, но главная – всё же моя корреспондентская неряшливость. Дело в том, что я получил Ваше письмо незадолго до моего отъезда в Данциг²², Ригу и Двинск²³. Накануне отъезда успел только переговорить насчет Вашей лекции в Дрездене со здешней Schopenhauer-Gesellschaft. Председатель оной обещал мне переговорить с членами правления и ответить лично Вам. Вернувшись, я узнал, что вопрос еще не решен; третьего они отказались пока что от устройства лекции. Но “русское собрание” решило просить Вас прочесть Вашу лекцию на немецком языке в кругу своих русских и прежде всего немецких членов. Об этом деле Вам еще будет писать подробнее Алексей Дмитриевич²⁴. Зал снят на 18-е ноября. Заплатят Вам, к сожалению, только 50 марок, но “собрание” само нищее. Надеюсь, что Вы и на этих условиях не откажетесь заехать к нам. Было бы хорошо, чтобы Вы познакомились с Кронером. Вашу статью можно будет, кажется, скоро напечатать²⁵. Я постараюсь собрать на доклад интересную публику.

Что касается Вашего большого дела, то тоже Ваш заезд сюда был бы не лишним: здесь есть кое-кто из крупных финансистов, с которыми можно было бы поговорить. К тому же Кронер очень близок с Кемплером, зятем Мендельсона²⁶, и если бы он дал Вам письмо к нему, т.е. “зятю”, – это было бы много действительнее моей рекомендации. Но если Вы хотели бы переговорить с Кемплером раньше, то я мог бы конечно и сам написать ему.

О своем участии в предполагаемом журнале хотел бы поговорить с Вами лично несколько ближе. Будьте добры, ответьте срочно, согласны ли Вы читать 18-го и сколько времени Вы можете пробыть в Дрездене.

Татьяне Сергеевне и Вам искренний привет от нас обоих.

Ваш Ф. Степун.

Dresden, 12-го ноября 1927 г.

Дорогой Семён Людвигович,

Как всегда в эмигрантских делах, так и в деле устройства Вашей лекции “Русским собранием” закрутилась какая-то путаница. Оказалось, что 18-го читать нельзя, потому что 18-го надо танцевать. Князь²⁷ хотел было взять на себя устройство Вашей лекции,

но я побоялся, что выйдет всего только второе расстройство, и отсоветовал ему. Рассказывать Вам в письме, почему вдруг все сорвалось скучно: тут не без большой и не без малой политики. В результате положение вещей сейчас таково: уже не “Русское собрание”, а студенческий союз предлагает Вам прочесть в будущем пока отставленную лекцию. Серьезность своего намерения он обеспечивает авансом 30–50 марок.

Мы же очень Вас просим не менять своего маршрута. 16-го вечером здесь в частном доме берлинский приват-доцент читает доклад о будущности Сов. России. На докладе Вы познакомитесь с Кронером и, может быть, с тем банкиром, который устраивает доклад и, кажется, заинтересовался Россией. В четверг 17-го князь претендует на монопольное обладание Вашей личностью и, кажется, хочет ехать с Вами во Фрейберг. Я в этот день очень занят – читаю в Дрездене и Хемпице. В пятницу 18-го Вы, быть может, повидаете ближе Кронера и Тиллиха²⁸, хотя пятница вообще день не удобный – Тиллих читает в Лейпциге (с 2-х часов дня). Жду от Вас по возможности срочного ответа на это письмо. Получив его, я буду ближе договариваться с Кронером и Тиллихом. Князь просил передать Вам (кажется, он и сам пишет), что он не то, что не приглашает Вас, а лишь переуступает Вас нам. Я думаю, Вам у нас будет удобнее. По приезде на вокзал, если бы я Вас не встретил, садитесь на трамвай № 5 в направлении Zertnitz (Чертниц) и, выйдя на остановке Zellischer Weg, приходите прямо к нам. Сердечный привет.

Ваш Ф. Степун

7

Dresden, 26-го декабря 1927 г.

Дорогой Семён Людвигович,

так как Вы не раз говорили мне, что Вам онтологически претит всякая спешка, то, надеюсь, Вы простите меня, что я с такою медлительностью хлопочу о Вашем журнале. У меня очень рассеянные руки, и, говоря откровенно, я все эти дни никак не мог найти кронеровского письма, которое использовал в качестве книжной закладки. Кронер написал Кемплеру всё, что нужно, за исключением темы Каминки²⁹, так что я ему особо писать не буду. Чем больше я думаю о Вашем предприятии, тем яснее мне, что главное дело – издатель. Что касается моих лекций, то могу предложить Вам только 2 темы: “Die Weltanschauung Dostoevskij”³⁰ и “Die russische Intelligenz in ihrer Bedeutung für die Revolution”³¹. В религиозно-философской ака-

демии могу прочесть по-русски “Лицо и истина”. Очень прошу заранее написать мне, когда Вы предполагаете назначить мои лекции. Вы вряд [ли] помните, что я могу читать только понедельник, вторник и среду. Занят я, кроме этого, 14-го, 29 и 30-го января и 9 февраля.

Вам и Татьяне Сергеевне от нас обоих сердечный привет и искренние пожелания всяческих благ к Новому Году.

Ваш Ф. Степун

8

Dresden, 5-го января 1928 г.

Дорогой Семён Людвигович,

31-го читать никак не могу, так как читаю не только 30-го, но и 31-го. Очень прошу потому уступить мне 24-е или перенести меня на какой-нибудь другой день.

Читать я предполагаю только по-немецки о Достоевском, об интеллигенции читать в Академическом союзе мне не представляется интересным и правильным, так как лекция определенно сделана для немцев. В ней есть и “Вехи” и Богданов. Переделывать мне сейчас некогда; то же, что важно, я напечатал в Мыслях о России³¹. “Лицо и истину” мы с Вами думали ведь для религиозно-философской академии³², для Союза³³ она, конечно, не подходит. Я буду только рад, если заседание академии превратится в нашу беседу с Вами.

Что касается журнала, то я представляю себе Вас редактором, а себя, как и Бердяева и др., о ком мы говорили, ближайшими сотрудниками. В этом смысле я и писал о “Вашем” журнале. Но дело, конечно, не в этом разграничении, а в том, что должен быть во главе каждого предприятия некий главно и неустанно озабоченный им человек, который ложился бы спать, а утром вставал бы с мыслями о нем. При всем сочувствии затеваемому журналу я таким вращением вокруг него заболеть сейчас не могу и потому ничего настоящего не сделаю. У меня очень много ежедневных необходимостей, а ведь работать надо прежде всего технически: писать издателям, ездить к ним, выработать для них платформу, составить список сотрудников, описать достоинства всех сотрудников, искать путей к этим издателям – это страшная заваруха, которая мне сейчас не под силу. Об этом еще поговорим при свидании.

Сердечный привет от нас обоих Вам и Татьяне Сергеевне.

Ваш Ф. Степун

Obrany, 16 апреля 1930 г.

Дорогой Семён Людвигович,

Большое спасибо за статью³⁴. Получил ее накануне отъезда в Прагу и Obrany и сейчас же прочел. Переслал в “Совр(еменные) Зап(иски)”, написал Вишняку³⁵, что голосую за помещение и прошу его отнестись внимательно к Вашим мыслям. Пойдет ли статья – сказать ничего не могу. Бунаков³⁶ будет, конечно, голосовать “за”, но не знаю, как отнесутся другие члены редакции. Для меня лично в Вашей статье мало парадоксального и очень много верного. Всё деление на “левых” и “правых” в предреволюционном смысле, конечно, устарело и только путает и мутит нашу эмигрантскую общественность. Аналогичные Вам мысли я и сам высказывал в “Мыслях о России”. Очень верно, конечно, и очень ценно, по-моему, указание на исконную биполярность социализма и левого и правого по существу. Если бы социализм не был и правым, т.е. если бы в его основе не лежала столь популярная ныне идея нового средневековья³⁷, я не имел бы ни малейшего основания считать себя социалистом. Всякий русский человек не реакционер по духу, предпочитающий ныне Бердяева Милюкову, должен числить себя социалистом. Это, конечно, очень коротко, но я думаю, Вы поймете меня. С одним я потому с Вами глубоко и по существу не согласен, а именно с тем, будто бы большевики осуществили в России социализм. Они всего только сделали попытку перевести на практику марксову идеологию, которая по существу является транскрипцией весьма буржуазного мироощущения. На мой взгляд, то, что большевики натворили в России, похоже на социализм не больше, чем “трепанация черепа на логическую операцию”. Думаю, что это будет и единственным камнем преткновения для Вишняка и Руднева³⁸, ибо они не увидят, что Вы “моего социализма” не отрицаете, а отрицаемый Вами “Современным запискам” защищать не приходится. Левые люди почти все догматики и потому для них социализм есть всегда социализм, т.е. их с.р.-й (социал-революционный) социализм.

Надеюсь, Вы в свое время получили моего “Переслегина”, “Жизнь и творчество” и оттиски статей. Спасибо Вам большое за Вашу книгу³⁹, в следующем письме или при свидании поговорим о ней; сейчас письмо и так очень затянулось.

Сердечный привет Вам от нас обоих и лучшие пожелания к Светлому празднику.

Ваш Ф. Степун

P.S. Мы пробудем в Обжанах до первого мая.
P.P.S. № журнала, в котором должна была быть Ваша рецензия, на днях выходит. Будьте добры, вернуть мне назад книгу, так как она была дана мне для дела без возврата в случае написания рецензии.

10⁴⁰

Dresden, 13-го февраля 1934 г.

Дорогой Семён Людвигович,

опять я не осилил неурядицы своей внешней жизни. Получив Ваше письмо, сейчас же написал Кассиреру⁴¹. Четвертого февраля получил от него ответ. Он пишет: *ich werde mich selbstverständlich freuen Herrn Prof. Frank zu sehen und mit ihm über seinen Vortrag zu sprechen*"⁴². В разговоре с Кассирером в случае, если бы речь зашла о переводе, поддерживайте Лютера⁴³, Оцуа⁴⁴ и меня. Мы ведем тяжелую борьбу со стаей малограмотных переводчиков. Даже литературно способная Штейнберг⁴⁵ переводит иконостас – алтарь, наводнение – наводнение, агний – агнец и т.д. К тому же пропускает чуть ли не целые страницы и сокращает описания природы. Кассирер нас слушает, но вполуха. Он, кажется, немного обидчив. О Вашем сыне только писал Чижевскому и буду писать Lieb'у⁴⁶ в Париж. Пока сердечный привет Вам и Татьяне Сергеевне от нас обоих.

Ваш Ф. Степун

11⁴⁷

Dresden – A.24. Snorstrasse 80. 29.7.34

Дорогой Семён Людвигович!

Собираюсь ехать в отпуск, на этот раз на север, в Швецию и Норвегию, и перед отъездом привожу в порядок свою корреспонденцию. Надо было бы опять начинать с извинения, но, дабы не повторяться, извиняться не буду. Вашу просьбу касательно Вашей статьи в *Logos'e* мне довелось исполнить сейчас же по получении Вашего письма, так как в Halle⁴⁸ я встретился с Kroner'ом, спешившим в Италию. От него я узнал, что *Logos* выходом прекращен, что у него, Кронера, была весьма неприятная переписка с Siebeck'ом⁴⁹, и что, к сожалению, Rickert⁵⁰ оказался не вполне на высоте. *Logos* будет, вероятно, выходить дальше под редакцией Glockner'a и под другим заглавием. Kroner предложил Siebeck'у назвать его или "Утренней Зарей" или "Светлой Бестией". Оба заглавия звучат хорошо, соединяя Нитше и современность. Из

всего этого следует, что напечатать Вашу статью в *Logos'e* не придется, и гонорара за нее Вам, по мнению Кронера, не получить.

Насчет Вашей статьи о Пушкине я писал месяц тому назад Рудневу и недавно, правда, несколько дней назад, напоминал ему о ней. Ответа пока не имею. Быть может, Руднев за это время писал непосредственно Вам.

Что касается Вашей книги в *Gotthelf-Verlag'e*, то я виноват перед Вами тем, что напомнил об этом деле Бердяеву лишь совсем недавно. На днях напишу еще раз Lutz'у, который после долгого пребывания во Франции снова вернулся в Швейцарию. У меня впечатление, что издательство всё же будет действовать с оглядкой. Скоро выходит Бердяевский "Человек", а затем, почти что наверное, "Сковорода" Чижевского⁵¹. Мне вообще не ясна компетенция нашей редакции (Бердяев, Либ и я) во всем предприятии. Тут нужно еще много выяснить. Быть может, я в октябре буду снова читать в Швейцарии и тогда в личной беседе с Lutz'ом смогу добиться большего для нашего русского дела.

В Лозанне начинается новое издательское дело, во главе которого стоит некто Rössler⁵², бывший редактор берлинского *National Theater*. У них новоградская установка. Заказывают мне книгу "Die Form europäischer Selbstbehauptung"⁵³. Я еще не знаю, возьмусь ли за ее написание. К издательству довольно близко стоит Евсей Давыдович Шор⁵⁴, который сейчас в Риме. С Вашего предполагаемого разрешения я пишу Шору, чтобы он связал Вас с Rössler'ом. Быть может, Вас заинтересует сотрудничество в новом деле. Rössler пишет, что они рассчитывают на небольшой круг сотрудников, который будет ими по мере возможности не только оплачиваться, но и оплачиваться хорошо. В середине сентября мы будем возвращаться из Норвегии через Берлин. Надеюсь увидеть Вас. Пока, сердечный привет Вам и Татьяне Сергеевне от Наталии Николаевны и меня.

Жму Вашу руку – Искренне Ваш Ф. Степун.

12⁵⁵

⟨Münich, 1945⟩

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Письмо это до некоторой степени случайно. Я вторично пишу Виктору Семеновичу⁵⁶, не зная его адреса, вторично адресую письмо Вам. К русскому Рождеству напишу Вам по настоящему. Сейчас очень много дела и очень много суеты. Предполагаю, что Вы вполне в курсе дел Вашего младшего сына⁵⁷. На днях он был

у меня и просил, чтобы я подумал о его судьбе. Перед отъездом в Париж была у меня (что Вася не должен знать) Галина Николаевна Митина. Сущность Васиной просьбы сводилась к желанию, чтобы я назвал ему хорошего доктора, психолога или даже психоаналитика, в котором он сейчас, по его мнению, нуждается. Постараюсь сделать всё, что могу. Я надеюсь, что я поступаю правильно, сразу сообщая Вам обо всем этом. Как-то мне неудобно и кажется неверным скрывать все это от Вас. Да и думаю я, что Вы всё это знаете. Ваш совет будет мне тоже, конечно, важен и ценен. Пока ни о чем больше писать не буду, так как на настоящее письмо в данную минуту нет времени.

С Рождеством Христовым поздравлю Вас к нашему празднику. А с Новым Годом поздравляю уже сейчас. Я буду доволен, если он окажется не хуже прошедшего. Положение мира всё же очень трудное.

Знаете ли Вы, что наша церковь переехала в новое помещение, которое я снял в качестве председателя нашего общества по воспитанию русских детей. Мне очень нравится новое помещение: уединенно стоящий дом в восемь комнат. Алтарь помещается в небольшой комнате, освещенной только свечами и лампадами. Священник в нем присутствует как бы силуэтно. Это производит очень особое впечатление.

Ну, кончаю, дорогая Татьяна Сергеевна. Всегда с радостью вспоминаю наше Мюнхенское сосуществование и благодарю Вас за наши встречные беседы. Обнимаю Вас.

Сердечно Ваш Фёдор Степун

Очень прошу, как можно скорее передать прилагаемое письмо⁵⁸ Виктору.

Васе об этом письме пока лучше не говорите.

13

9 августа 1951 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

спасибо за письмо от 31 июля. Жду высылки "Непостижимого" и сообщения об издательстве, которое в свое время собиралось его печатать⁵⁹. До присылки работы ничего предпринять не могу. Пока что поговорю с моим издателем, он же и издатель католического журнала "Хохланд"⁶⁰, в котором были напечатаны, по крайней мере две статьи Семёна Людвиговича: одна о Константине Леонтьеве, а другая, кажется, уже после войны, об еретичности социальных утопий⁶¹. Я не считаю исключенным, что издательство это заинтересуется книгой. Сейчас католики

много работают над запросами русской литературы. Только что вышла книга иезуита Шульца о русских мыслителях. В ней 25 статей, посвященных разным мыслителям, среди которых имя Франка, к сожалению, не встречается⁶², но названы, почти что впервые в Германии, имена Федорова, Розанова, а из наших современников Булгакова, Бердяева, Шестова, Карсавина, Иванова и Мережковского.

Если у меня дело с католическим издательством сорвется, то думаю переговорить с Зибеком в Тюбнгене. Отец Зибека был издателем немецкого Логоса; у него же вышел и ряд книг Николая Александровича Бердяева. Нет ли у вас рецензий на работы Семена Людвиговича, в особенности на немецком и английском языках? О значении творчества Франка для России достаточно свидетельствует история философии Зеньковского, да и мне поверят.

Очень жалею, что Мария Михайловна⁶³ неправильно информировала меня о здоровье Семена Людвиговича. В сущности, я оттого и не послал вам моей автобиографии, что был уверен, что 1000 страниц мелкого шрифта С.Л. и не прочесть.

Наташа и я шлем вам и детям наш сердечный привет.

Искренне Ваш: Ф. Степун

14

15 Августа 1952 года,
Мюнхен

Дорогая Татьяна Сергеевна,

простите, ради Бога, что я целых 2 месяца не отвечал на Ваше письмо. Ужасно быстро текут перегруженные работою дни. Английскую книгу Семена Людвиговича я получил. Большое Вам спасибо. Прочесть не смог, т(ак) к(ак) по-английски не читаю. Не думайте, что я ничего не делаю для издания "Непостижимого"⁶⁴. Сейчас оно находится в третьем издательстве. Сначала я предложил книгу католическому издательству Kosel, в котором вышли мои воспоминания⁶⁵ и в журнале которого "Hochland" Семен Людвигович напечатал две статьи: одну о Константине Леонтьеве и другую об утопии. Я начал с этого издательства, потому что его редакция имела всё же определенное представление о творчестве Семена Людвиговича. Они держали книгу очень долго, давали ее читать двум экспертам, нашли ее очень интересной, но после всяких колебаний и сомнений всё же не решились на выпуск⁶⁶. Конечно, по материальным соображениям. После этого книга была мною, по рекомендации Кёзелевского издательства, отправлена в новое, материально хорошо подкованное, издатель-

ство в Берлине, откуда она вскоре вернулась с отрицательным ответом. Теперь она уже довольно долго лежит в третьем* издательстве и в 1-м⁶⁷, которое книгою действительно интересуется. Очевидно только, что эксперты этого третьего издательства чрезмерно добросовестны и чрезмерно медлительны. Я всё еще жду ответа. Как только получу, сообщу его Вам. Думаю, однако, что ежели бы и тут получился отказ, то унывать не должно, а надо продолжать поиски.

Михаил Михайлович Карпович писал мне, а потом написали и Вы, что мои воспоминания о Москве навеяли на Вас грусть и показались Вам неверными и односторонними. Я думаю, что воспоминания всегда окрашиваются точкою зрения вспоминающего. В моих воспоминаниях, которые пытаются объяснить нашу революцию, неизбежен некоторый мрак. Ведь я описываю не всё, что довелось пережить и продумать, а главным образом то, из чего родилась революция. Если хотите, мои воспоминания можно, пользуясь термином Зиммеля, определить, как “молекулярную социологию большевизма”. Но есть, конечно, и другое, что нас, может быть, разделяет. В Москве, во время отпуска с фронта, я видел всех тех людей, которых Вы перечисляете, присутствовал на заседаниях и прениях религиозно-философского общества, слушал доклады Сергей Николаевича Булгакова и Ильина⁶⁸, был и в Петербурге, был близок с Г.А. Ландау⁶⁹. И всё же мне было грустно, я ярко чувствовал бессилие всех этих людей, близких мне по духу и мирозерцанию. А чувствовал я это бессилие потому, что я гостил в Москве и в Петербурге в качестве офицера в отпуску. Присутствуя на докладе Булгакова и разговаривая о войне с Евгением Трубецким, я всё время видел перед глазами бессилие России на фронте, всё растущее разложение и чувствовал, что всё кончено. С этими же чувствами я работал впоследствии в Петербурге, в качестве начальника политического управления Военного министерства. Эти же чувства продиктовали мне и мою политическую программу, с которою, однако, все были не согласны: сепаратный мир с немцами, быстрый, хотя бы в правовом отношении и не корректный созыв Учредительного Собрания и немедленный арест Центрального комитета большевиков. Но Миллюков, Гучков, Львов, да и Керенский еще верили в возможность победы права над Россией и России над немцами. Всё это была сплошная иллюзия, основанная на том, что люди недооценивали реального положения вещей. Мне кажется, что правда моей картины в том, что она объясняет про-

* Verlag des Rauher (Rawher) Hanser, Hamburg (примечание Ф.А. Степуна).

исшедшее. Провинция была здоровее столиц (в ближайшем номере "Нового журнала" будет, вероятно, напечатана моя "Провинция"⁷⁰). Но она, к сожалению, не имела никакого значения и не оказала влияния на судьбу России.

Наталья Николаевна и я шлем Вам сердечный привет.

Ваш Фёдор Степун

P.S. По получении письма пришлите, пожалуйста, только отрывок в свидетельство о его получении.

15

3 декабря 1955 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

простите великодушно, что мы не поблагодарили Вас за письмо ко дню Наташиных именин. Я хоть и стараюсь вести себя прилично, но это мне с трудом удается. Уж очень много самых разных требований предъявляет ко мне каждый день. Много читаю лекций и вне Мюнхена. Веду сейчас три докторские работы. Председательствую в правлении фильмового института. Пишу свою книгу о русских мыслителях и поэтах XX века⁷¹ и почти каждый день подолгу разговариваю с разными проезжими людьми и диктую письма. Каждый день приходят от 5–8, требующих быстрого ответа. Так иной раз и не напишу человеку, которому и хотелось бы написать. Нина Евгеньевна⁷² передавала мне, что Вы остались довольны моею статьей о Семене Людвиговиче⁷³. Мне было очень приятно услышать этот отзыв. Я довольно долго над нею работал, что по статье, конечно, не видно, так как я мог написать только распространенную рецензию. Со временем я еще подробнее засяду за изучение системы Семена Людвиговича, что требует, конечно, и углубления знаний всей современной европейской философии, от которой я, получив мюнхенскую кафедру, несколько отошел.

За последний месяц написал по-русски две статьи. Одна пойдет в 6 номер Опытгов – "Искусство и современность" и одна в "Новом журнале", быть может, уже в декабрьском номере "О родине, отечестве и чужбине".

Должен, к сожалению, сообщить, что статьи Семена Людвиговича о Пушкине, как религиозном мыслителе⁷⁴, мне устроить не удалось. Три лучших журнала вернули ее. Придется заплатить переводчице гонорар за работу, о чем я уже говорил с Вашим сыном, и стараться дальше.

Очень грустно, что Вашему Алеше⁷⁵ не лучше. Мы не точно себе представляем себе сущность его болезни и потому не знаем, можно ли рассчитывать на улучшение его здоровья и его душевного состояния. Что говорят пользующие его врачи? Думаете ли

Вы, быть может, на Рождество, прилететь в Мюнхен или Вы надолго остаетесь прикованной к Лондону.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет и благодарим за память и любовь.

Душевно преданный Вам
Фёдор Степун

16

10.2.57

Дорогая Татьяна Сергеевна,

мы бесконечно виноваты перед Вами. Вы нам писали, хоть и кратко, но душевно, поздравляя нас с праздниками, а мы, словно рыбы, уткнувшись ртом в тину, — ни слова не промолвили Вам в ответ. Не сетуйте, дорогая: у нас осталось о свиданиях с Вами очень теплое воспоминание, но жизнь моя всё усложняется, сеть обязанностей и неотложностей всё уплотняется. Каждый день пишу письма, требующие срочного ответа, и эта суeta во времени невольно отодвигает на второй план чувства и слова, которые не безусловно связаны с текущей минутой.

Затянулся мой ответ и потому, что я пытался собрать точные и солидные сведения у знакомых мне врачей о г-не Кютемайере, который будто бы специалист по тем аномальностям, которыми страдает Ваш сын. Окончательный ответ я получил, правда, почти что месяц тому назад от руководящего психиатра и невропатолога, моего большого друга д-ра Штаудера. Он пишет: ради г-на К. нет ни малейшего смысла ехать из Англии в Германию. Врачей его знаний и умений можно найти в любом месте Европы. Никакой известностью он не пользуется. Штаудер очень преданный мне человек и отнесся к моему запросу очень серьезно. Что ответ будет отрицателен, я сразу же понял потому, что он не знал имени г-на К. Знать же имя всякого значительного врача-специалиста он должен был бы, так как уже много лет редактирует журнал по вопросам психиатрии.

Как живете и как Ваше здоровье? Нина Евгеньевна говорит, что Вам, быть может, придется подвергнуть себя операции. В чем дело?

Вашего сына выдаю сравнительно редко. Последний раз мы были вместе на праздновании Татьянинного дня, а тем самым и Ваших именин. Было довольно уютно и сердечно. Было много речей. Говорил Вейдле, Михайловский, я и главным образом Лоллий Львов⁷⁶, в сущности, он говорил непрерывно и наши речи вставлялись в его поток, как отдельные медальоны, или охва-

тывались потоком его речи, как небольшие острова. Говорила и советская молодежь, между прочим и один студент, совсем недавно из Москвы, очень образованный и начитанный даже и в европейской литературе.

Ну пока кончаю. В конце этой недели мы с Наташей уезжаем на несколько дней, вероятно дней на 10 в Швейцарию, где я читаю ряд лекций.

Барат⁷⁷ звонил мне и просил написать рецензию о последней книге Семена Людвиговича⁷⁸. Я, конечно, согласился.

Наташа, я, и пишущая эти строки Нина Евгеньевна шлем Вам наш самый сердечный привет и пожелания быстрого выздоровления, мира душевного и дальнейшего успеха в Ваших трудах по увековечению памяти Семена Людвиговича.

Ваш Фёдор Степун

17

Мюнхен, 2 июля 1957 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Ради Бога, простите, что с таким запозданием, преступным запозданием, исполняю Вашу просьбу. Не справляюсь я со своей корреспонденцией. Думаю, что вчера получил письмо – а оказывается прошло уже две недели, как оно пришло. Так было и Вашим. Если бы Вы мне сразу напомнили, я бы устыдился тут бы и написал. Ну, всё это дело прошлое. Надеюсь всё же, что Вы внушенне не упрекнете меня в нерадивости.

Рецензию на последнюю книгу “Человек и реальность” Семена Людвиговича я написал⁷⁹. Она пойдет в немецком сборнике Института по исследованию советской России, редактором которой, к слову сказать, назначен проф(ессор) Мирчук – убежденный враг России и воинствующий украинофил.

Виктора Семеновича выдаем мало, и он и я очень заняты. Но вот в конце этого месяца будет конференция, на которой мы, вероятно, встретимся, а на этой неделе будет прием у высшего начальства г-на Сержанта.

Не посетуйте, что ничего больше не пишу. Очень поздно, необходимо написать еще несколько писем, а глаза моей машинистки закрываются над ее усталыми руками.

Всего хорошего

Ваш Ф. Степун

Диктую не Н. Евг., которая страдает глазами, а ее заместительнице.

Мюнхен, 17 февраля 1958 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Большое спасибо за Ваше письмо и за то настроение, вернее за то состояние духа, которыми оно исполнено. Верно, что к старости, к приближению к последней черте, всё в душе меняется и что смысл всякой помощи друг другу приобретает новую глубину. Не знаю, где-то я недавно читал, что всякий умирающий завещает своим близким радость и тяжесть не осуществленной им при жизни любви и тем обязует их как бы долюбить за него всё то, что он не успел согреть и осветить своим сердцем. Я наскоро пишу, но эта мысль была тем, от кого я ее получил, сказана как-то очень хорошо.

Я, конечно, с радостью сделаю для Вас и для Вашего сына всё, что могу. По получению Вашего письма я позвонил Виктор Семеновичу, чтобы узнать, что он думает предпринять, и как я могу быть полезен. Я, конечно, мог бы заново проконсультировать моего друга д-ра Штаудера и продумать вместе с ним, как бы улучшить положение Вашего Алексея Семеновича в Бетеле. Мне думалось, что может быть можно было бы связать его с каким-нибудь умным психологом или психоаналитиком в Ганновере, который мог бы раз в две недели или хотя бы раз в месяц посещать его и беседовать с ним. Но Виктор Семенович решил пока что ничего не предпринимать, а подождать решения Вашей знакомой, проживающей, кажется, в Голландии. По его сведениям, санатории или больницы для душевнобольных составлены там лучше, чем в Германии, так что может быть имело бы смысл перевести Вашего Алешу туда. Мы стоворились, что по получении более детальных сведений из Голландии, мы снова подумаем, что надо предпринять. Но, конечно, нельзя закрывать глаза на то, что всякий душевнобольной человек чувствует себя не устроенным в заведении для нервных больных. Брат Габричевского вот уже 15 с лишним лет сидит здесь в больнице и чувствует себя очень тяжело. Он шизофреник, на которого часто накатывают припадки, но в промежутках вполне здоровый человек: много читает, много работает (он по профессии биолог), а кроме того и рисует. Сейчас после 15–20 лет он как бы начинает выздоравливать, идут даже слухи о том, что можно попытаться устроить его с близкими людьми на частной квартире. Насколько я понимаю, в случае Алексей Семеновича важно то, что его состояние является результатом тяжелого ранения, а не только душевного недуга. Телесные же изменения,

произведенные оружием, должны трудно поддаваться, как я слышал, психологическому воздействию.

Спасибо Вам за книгу Семена Людвиговича⁸⁰. Она пришла как раз кстати. Я долго не решался читать о Пушкине немцам, но недавно попробовал прочесть о нем в Швейцарии. Попытка очень удалась. В рецензии большой газеты даже напечатали, что лекция о гениальном Пушкине была и сама не лишена гениальности⁸¹. Это, конечно, зря, но всё же свидетельствует о том, что Пушкин в моем понимании и изложении дошел до немецкой аудитории.

Наташа и я шлем Вам наши наилучшие пожелания и сердечные приветы.

Ваш Фёдор Степун

19

Мюнхен, 5 сентября 1958 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Последнее время было бесконечно много всяческих дел и больше чем дел – всяческих проезжих людей, милых расхитителей времени. Были мы с Наташей и в санатории, чтобы поправить ее сердце, а на днях только что вернулись из Швейцарии и южного Тироля, где я читал лекции.

Совсем мельком и в суете я говорил насчет книги Семен Людвиговича во время институтского конгресса, на днях говорил более настойчиво и обстоятельно. “С нами Бог“ я не читал, так как у меня имеется только подаренный Вами английский экземпляр. По-английски же я не читаю. Но мне и не надо знать эту книгу, чтобы рекомендовать ее издателю. Зная Семен Людвиговича, я заранее согласен рекомендовать всякую его книгу. Окончательно дать свое согласие Леонид Иванович⁸² еще не может. Но он уже говорил со своим Ученым Советом, который как будто бы всё же упирается, как бык, которого ведут, обмотав рога веревкой, на убой. Всё же Леонид Иванович надеется, что, быть может, что-нибудь и выйдет. Сейчас в Институте отпуск, 11 сентября снова начинаются заседания. Разговоры, решения и нерешительности. О результате своих переговоров он напишет Вам сам.

Наташа и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Ваш Фёдор Степун

Мюнхен, 29 апреля 1959 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Не посетуйте на меня, что я так поздно отвечаю на Ваше такое сердечное, такое теплое письмо, которое очень тронуло и Наташу, и меня.

С 75-летием поздравлять, конечно, нет оснований, хотя я должен сказать, что жизнь в старости, поскольку человек остается духовно живым и более или менее здоровым, мне нравится отнюдь не меньше, чем жизнь в более молодые годы. Как-никак с годами отмирает всё лично мучительное, связанное с субъективностью чувств и страстей. Становишься объективнее, — психолог-аналитик сказал бы экстровертированнее. Естественно стоишь спиной к себе и лицом к миру. Единственно трудное это предчувствие болезни и смерти. Самого процесса умирания я не боюсь, но загробная тайна — вещь сложная и, быть может, не только светлая.

Своей жизнью я доволен. Конечно, можно было бы сделать больше, чем мне удалось, но я думаю, что всякий мало-мальски творческий человек уходит из этого мира с сознанием, что он не исчерпал себя. В конце концов, это ведь понятно. Божий творческий акт настолько глубже человеческого, что человеку невозможно исчерпать в этой жизни того, что было в него вложено Творцом. На основании этих соображений Гёте, не бывший христианином, защищал бессмертие: не может же Бог разбрасывать по человеческим душам семена, которым не даны всходы.

Письмо это Вы получите в конце Страстной недели, а может быть, и на самую Пасху. Наташа и я от души обнимаем Вас и желаем душевной тишины и света.

Недавно я во сне умирал. Вероятно потому, что в церкви часто слышал: непостыдный и мирный конец. Умирал под музыку, под какое-то нездешнее пение. Это было очень светлое и радостное умирание.

Ваш Фёдор Степун

Мюнхен, 1 февраля 1961 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Я бесконечно виноват перед Вами. Мы получили от Вас несколько писем, и я ни на одно из них не ответил Вам. Каюсь и искренне прошу простить сие прегрешение. Отчего не ответил

даже трудно сказать. Конечно, я очень занят, с трудом справляюсь с обилием всяких присылок, с запросами многих русских людей, как бы им устроиться, где бы им напечататься и что им делать с собой. Говоря между нами, было не совсем просто писать Вам и об Алёше. Из Вашего письма понял, что он Вам писал о моих хлопотах о нем. Он был раза два-три у нас, мы с ним оживленно разговаривали, и мне показалось, что, быть может, было бы правильно устроить его на работу в Институте, если не на постоянную службу, то в качестве переводчика. Но очевидно эти хлопоты были с моей стороны психологической ошибкой, обусловленной моим недостаточным знанием о его болезни. Во всяком случае, Виктор Семенович остался моими стараниями по устройству брата недоволен, и я не понял, что мне надо устраниться. Пишу это я Вам к сведению, но никак не к обсуждению с Виктором Семеновичем. Это было бы мне неприятно по целому ряду соображений.

Теперь, вероятно, Вы уже знаете, что Нина Евгеньевна умерла после долгой и тяжелой болезни. Было что-то злое и даже ироническое в этом долгом страдании. Когда она поступила в больницу, она боялась за рак позвоночника. Оказалось, что его нет. Боялась, так как была опухоль, и за рак в женских органах. Оказалось, что это безвредная миома. Два момента счастья. А потом оказалось, что все-таки кроме миомы сидит и рак. Ее долго облучали, вкладывали радий. Она очень страдала. Но всё надеялась, что, может быть, всё образуется. Поехала на поправку к сестре в Белград. Вернулась как будто слегка поправившейся, но потом всё покатило под гору. Я ее посещал. Иногда она была очень грустна, иногда, вплоть до последней недели, оживлена. Но оживления было очевидно от возбуждающих средств. К счастью могла приехать ее сестра, которая оказалась очень милой, хотя гораздо более простой женщиной, чем Нина Евгеньевна. Перед самым концом случился страшный сердечный припадок. Вода подступила к сердцу. Доктор сделал шприц, и под утро она тихо умерла. Говоря объективно, это лучшее, что с ней могло случиться. Но лучшее только потому, что было уж очень плохо. Она очень, как Вы знаете, надеялась на расцвет своей духовной жизни и своего творчества. Ее роман, который Вы, вероятно, знаете, не лишен литературных достоинств⁸³. Но я всё же не решился предложить его к печатанию. Уж очень он личный, женский. В сущности, интимный дневник в форме романа. Я боялся, что журналы откажут, что ее очень огорчило бы.

Вы пишете, что любите мои слова о разнице между воспоминанием и памятью. Они принадлежат изначально не мне, а Вяче-

славу Иванову. Ими открывается его незаконченная поэма "Деревья". Вот они, поистине замечательные строки:

Ты, Память, Муз родившая, свята, —
Бессмертия залог, венец сознания,
Нетленного в истлевшем красота!
Тебя зову, — но не Воспоминанья!
В них с погребов души печать снята,
Где райский хмель стал уксусом изгнания;
В них страсти боль, все ноющей в корнях;
В них шлак руды, перегоревшей в днях...

Вы знаете, может быть, из газет, что мы с Наташей ездили в Париж, куда меня пригласили для прочтения доклада о Толстом. Моею темой была "Религиозная трагедия Толстого"⁸⁴. Я очень радовался провести неделю в Париже. Повидать старых знакомых и познакомиться с еще неизвестными мне людьми. Собирался я и почитать отрывки из моих воспоминаний "Бывшее и несбывшееся". Но, к сожалению, я в дороге простудился, читал уже охрипшим, что было, конечно, трудно, так как без голоса нет и интонации, а в интонациях содержится и много содержания. От чтения воспоминаний пришлось отказаться, как и от целого ряда уже наметившихся свиданий с друзьями и знакомыми. Просидев два дня в гостинице, мы вернулись в Мюнхен, где разыгрался довольно-таки канительный грипп, но сейчас, Слава Богу, все прошло в порядок. Должен кончать. Еще много надо написать довольно сложных писем.

Наташа и я сердечно обнимаем Вас и желаем, как и себе, не слишком бурного 61-го года, относительного здоровья и опять-таки, как себе, духовной крепости.

Искренне Ваш Фёдор Степун

22⁸⁵

а)

Der Tod meiner Frau brachte mir hunderte von Briefen ins Haus. In ihnen fanden sich Worte von so tiefen Verständnis vom Wesen der Verstorbenen und für die Nacht des Schmerzes, die mich umfängt, daß ich am liebsten sofort allen persönlich und ganz individuell antworten würde. Dies ist wenigstens zur Zeit leider völlig unmöglich. Und so sehe ich mich gezwungen, mit diesem knappen und notwendig kalten Drucktext all denen zu danken, die mir mit liebevollen Worten und Blumen schon geholfen haben und, ich weiß, auch weiter helfen werden.

FEDOR STEPUN⁸⁶

München, im August 1961

б)

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Среди многих полученных мною писем (несколько сотен) Ваше письмо одно из самых мне дорогих. Да, Наташа ушла таинственно и неожиданно. Умерла на подъеме своего выздоровления, светлым утром, первым утром, когда нам с ней было так радостно, что опасность миновала. Я живо чувствую ее присутствие и как будто бы не только в моей человеческой памяти, но и в той вечной памяти, которую панихида обещает отошедшему. Я уже не раз думал, что бессмертие человека может быть только в том и состоит, что Бог о нем помнит.

Обнимаю Вас с теплым дружеским чувством.

Ваш Фёдор Степун

23

Мюнхен, 8. 9. 1961 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Спасибо за Ваши строки к 9-му дню Наташиной смерти. Лучше Вас никто не может понимать то, что во мне сейчас делается. Может быть, между тем, что Вы и переживали и переживаете, и тем, что приходится переживать мне, есть и некая разница, которая причиняет мне много сомнений и много мучений. Наташа очень хотела, чтобы я в случае ее смерти не погрузился бы в мрак, а высветлил свою скорбь, вернулся бы к своему творчеству, к тем книгам, которые мы вместе задумывали, а отчасти и писали. Но писанию мешает живая скорбь, мешают образы всей прожитой жизни, чтобы вернуться к творчеству или просто к работе, нужно как-то освободиться от своей боли, но эта свобода ощущается и каким-то недопустимым рабством у злободневности, хотя бы и злободневности высшего порядка, т.е. работы над своими книгами и лекциями.

Обнимаю Вас и еще раз благодарю.

Ваш Фёдор Степун

24⁸⁷

Мюнхен, 15.10.62

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Я бесконечно виноват перед Вами. Только что просил Василия Семенович сообщить Вам, что моя квартира свободна, и вот снова вынужден взять свое слово обратно. Вся эта путаница связана с семейной – глубоко трагической жизнью нашего (включая

Наташу) ближайшего друга – доктора В(ильда), у которого мы первое время жили и в судьбе которого принципиально мое ближайшее участие. В.С. и просил сообщить после того, что Dr. W. решил купить дом просторный с садом для ребенка и попробовать увлечь этим письмом жену, но внезапно по причинам, о которых касаться не могу, всё это рухнуло и (привело) к возникновению плана опытно разделить жизни: в данную минуту они – любя друг друга – друг друга не переносят. При этих обстоятельствах я отказать В. в смысле квартиры не мог. Я знаю и чувствую, что грешен перед Вами, но в данном случае вступает в силу жизненная, известная Вам категория: “долго ли до греха” – не обессудьте...

По приезде из Голландии у меня жизнь даже нормализовалась. Приехала Синьорелла с дочерью, была два дня подряд (а знаете – это ближайший друг Буре и автор лучших книг о нем). Потом была у Игоря Земского Софья Евгеньевна Трубецкая⁸⁸. (Далее нрзб.)

25

München 13, Ainmillerstrasse 30, Telefon 33 99 19
28 декабря 1963 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Не посетуйте, что до сих пор не отозвался на два Ваших последних письма: первое – из Вены, второе – уже из Лондона. Благодарю за оба, но особенно за начальные строки лондонского. Я тоже чувствую, что глубоко привязался к Вам и что во мне живет не только теплое, но и дружественное отношение к Вам. Одно время, когда в Вашей квартире никого не было, у меня было как-то пусто на душе. Теперь там Марга и Галя⁸⁹. Сестра приехала в очень тяжелом состоянии: физически больная артритом и желудком, а душевно очень не уравновешенная. Теперь, слава Богу, она начинает поправляться. Выяснилось вполне, что никакой страшной болезни у нее нет, но что на восстановление душевного равновесия придется еще долго работать. Бог даст, работа эта увенчается успехом.

Спасибо за то, что в письме из Вены Вы шлете Ваш привет и любовь и мне, и Наташе, прибавляя крепко верующие слова “не всё ли равно, где кто находится – тут ли, там ли у Бога”. Вы на том пути, на котором мы встретились и на котором Вы помогли мне, ушли уже дальше. У Вас вера крепче, и у Вас нет никаких соблазнов мира сего. Во мне много неизничтожаемой живучести и я – каюсь – хоть и очень жду встречи с ушедшей, но не спешу по-

кинуть мир и, страшно тоскуя о Наташе, живо ощущаю всё, что творится во мне и вокруг меня. Вот книгу кончил, и вот в дверь души уже стучатся какие-то новые замыслы. Много вокруг меня и людей, которым я, очевидно, что-то даю.

Должен не без грусти сообщить Вам, что доктор Вильд вернул мне обе книги Семёна Людвиговича. Его оценка “Непостижимого” была очень высока, но бюджетные соображения не позволили ему всё же принять книгу к изданию: нельзя будет продавать. Она по своей сущности чужда настоящему времени. Она в прошлом и, может быть, в будущем, но не в настоящем. В известном смысле это, быть может, верно. Потому что настоящее время чуждается спокойной, уверенной, долготерпеливой и по своему голосу ровной и тихой истины. Вот Бердяев кричит: утверждает, что Бог открылся миру, но что миром управляет черт. Утверждает, что образ Бога как хранителя и устроителя мира – неприемлемый социоморфизм, ведущий прямо к атеизму. Считает, что творчество в христианстве важнее послушания и даже требует бессмертия для своей кошки, и за всё это его печатают, потому что он не длительно-значительный, но сейчас остро-современный. Это всё, конечно, мои слова, но все-таки, я думаю, что они правильно интерпретируют решение Вильда с благодарностью отказаться от печатания книг Семёна Людвиговича. Я могу, конечно, посоветоваться еще кое с кем и попытаться обратиться в другое издательство, но начинаю терять оптимизм.

Хотя я кончил книгу, мне дышать всё же некогда. Надо срочно написать радиодоклад на полчаса об Андрее Белом, что, между прочим, важно и для распространения моей книги. 8-го я под Мюнхеном читаю доклад о Гёте и Шиллере в русском понимании, а через день уезжаю в Кёльн, откуда разъезжая на автомобилях, читаю пять лекций подряд. Дальнейшие месяцы тоже очень занят, а тут еще много подкинутых работ, которые требуют хотя бы поверхностного прочтения и отзыва. Трудно со всем этим справляться, но отчаиваться тоже нельзя. Вчера была у меня Анна Алексеевна Герстдорф со своим шведским знакомым, братом той Зинаиды Рудольфовны, у которой всё время работала Аленька. Она сегодня попросила у меня Ваш адрес, очень собиралась написать. Сюда приехала, между прочим, (дама) вместе со своим мужем (в данную минуту имя его забыл), которая была последней длительной секретаршей отца Василия Зеньковского. В прошлое воскресенье после церкви и в связи с проповедью отца Анатолия о том, что причастие должно не только соединять человека с Богом, но и объединять всех причащающихся, я говорил с ним о том, что у нас как-то распадается приход, что, в сущ-

ности, нет прихода, а есть только отдельные прихожане, а, быть может, можно было бы попытаться его создать. Все-таки есть несколько людей живой веры, как, например, Туся Пляер, Ирина Гёниг и вот теперь эта секретарша и т.д. Он на словах очень сочувствовал, но я всё же боюсь, что при его административном деспотизме это ему вряд ли удастся.

Ну, родная, кончаю. Шлю Вам сердечный привет и благодарность за рождественскую скатерть, которую фрау Штурмаум в связи с ее коричневыми тонами постелила на мой стол под большое блюдо с яблоками и мандаринами.

Обнимаю Вас и шлю наилучший привет Вам и всем Вашим
Сердечно Ваш Фёдор Степун

26

Мюнхен, 2-е мая 1964 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Давно бы мне следовало написать Вам, но, поверьте, действительно как-то не вышло — и времени у меня было немного, и машинистки мои утратили резвость. Лидия Александровна, которая мне больше всего писала — переезжала на новую квартиру и ухаживала за больным сыном. Ее временная заместительница устроилась на станции “Свобода”, то есть обуржуилась и стала жалеть свои пальцы. Последние письма писала Валентина Николаевна Крылова, но вчера она спотыкнулась, вывихнула ногу и в кровь разбила оба колена — дело затяжное. Сразу после моих празднеств, прошедших с редкой теплотой...⁹⁰ (Если бы я из полученных писем вырезал наиболее сердечные и глубокомысленные места, то действительно⁹¹ получился бы образ совершенного человека, в котором мне было бы трудно узнать себя.) Сразу же после чествования уехал в отхожий промысел. Между Ганновером и Аугсбургом прочел за 8 дней 6 лекций, а, вернувшись домой, через несколько дней уехал в Данию, где пробыл 10 дней. Там я прочел в университете две лекции: о мирозерцании Достоевского и о немецких и русских корнях большевизма. Снова все были со мной очень любезны и приглашали меня нарасхват: за 10 дней я только три раза обедал за свой счет. Сейчас главным образом работаю над письмами: благодарю за полученные поздравления. Напечатать краткий текст и рассылать всем, как это обыкновенно делается, — я не могу. Писем пятьдесят придется написать в личном интимном порядке, а на остальные сто, если не считать телеграмм, придется всё же ответить казенным печатным текстом.

Марга в общем улучшается, но всё же улучшается толчками, постоянного улучшения нет, если не считать то, что она сейчас всё может есть. Наиболее упорно держится некая нервная неуравновешенность, на которую отзываются то сердце, то температура, то артрит. 14 июля они⁹² едут в Америку для возобновления паспортов.

Сына Вашего Васю я с тех пор, как Вы уехали, видел только мельком. На моем "чествовании" в Академии искусств он не был. Кажется, не мог быть, потому что уезжал к Вам.

Очень грустно, что с изданием "Непостижимого" так ничего и не вышло. Я боюсь, что это связано с современным состоянием западноевропейской или во всяком случае с немецкой философией. Даже и духовным людям чуждо спокойствие, тишина, душевный мир и духовная твердь. Ищут парадоксального, взволнованного, отчаивающегося и во всяком случае по стилю нового. Чем и объясняется то, что вышли почти все книги Бердяева, но кроме "Трагедии философии" ни одной книги Булгакова. (Только статьи.)

Должен кончать, дорогая Татьяна Сергеевна; откликнитесь на это письмо, чтобы я был уверен, что Вы не сетуете на мое молчание. На Ваше первое, такое сердечное, на нас обоих объединяющую тему, я Вам сразу же откликнулся.

Обнимаю Вас и шлю Вам и всему Вашему миру, поскольку я его знаю, самые сердечные поздравления к Светлому Христову Воскресенью. Христос Воскресе, дорогая Татьяна Сергеевна!

Душевно Ваш Ф. Степун

27

24 января 1964 года, Мюнхен

Дорогая Татьяна Сергеевна!

В одном из Ваших писем Вы назвали меня "далеким и немым другом". В немоте виноват, но отдаленность только железнодорожная или аэропланная, вернее. Часто вспоминаю вас и наши сложные философские и "душеспасительные" беседы. Слово это в современной речи снижено, я же употребляю его в точном смысле. В конце концов всякая человеческая душа спасается общением с другой душой. В одиночестве человек гибнет, если ему не дан дар живого общения с Богом. Вы пишете, родная, что Вам, иногда по крайней мере, становится в тягость общение даже и с близкими людьми и что Вы ищете тишины, которая как-то нарушается волнениями, которые вызываются заботами о тех же

близких. У кого-то из отцов церкви я читал, что когда он не общается с людьми, ему хватает трех сухарей на пропитание в день, а растрата сил от общения требует десяти сухарей; душа тяжелеет, и молитва трудно поднимается к Богу. Где-то это у меня цитировано⁹³. Ради Бога, не примите это сообщение как ответ на Ваше письмо, – скорее я Вам его привожу для оправдания себя. У меня все-таки Господь Бог и Сын Его всё же живут на деловом горизонте жизни, ощущение этого горизонта меня никогда не покидало. Многословные просительные молитвы с некоторых пор отлетают от меня. Но просьбы о спасении, даровании мира, непостыдного конца и укрепления веры во встречу с ушедшими растут. Ваше стремление к тишине мне не свойственно, но, конечно, потому, что во мне гораздо сильнее интересы жизни и даже соблазны о ней. Но у каждого свой путь. Будем дополнять друг друга своим личным опытом. Этим мы можем, быть может, и помочь друг другу.

В понедельник я уезжаю на отдых. Снял комнату по направлению к Боденскому озеру: природно, одиноко, комфортабельно – хочу отдохнуть.

Последнее время написал три небольших статьи и маленький фельетон о Чижевском⁹⁴, который Вы можете прочесть в “Русской мысли”, если ее получаете. Отослал больше двухсот писем в ответ на поздравления: шестьдесят полновесных, личных, а остальные – печатный текст, но с большими дополнениями. Заняло это очень много времени, а потому не описываю Вам моих странствий по Германии и очень приятного и успешного десятидневного пребывания в Копенгагене. Может быть, когда-нибудь напишу и об этом. В католической академии был очень интересный краткодневный съезд по вопросу о зле. Я читал доклад о зле в русской религиозной философии и политике XX века; были большие прения. Завтра еду читать в Нюрнберг, где был и несколько дней тому назад в связи со съездом по вопросу о христианском гуманизме.

Васю ни разу не видал. На моем чествовании он тоже не был, вероятно, не мог быть; приглашение ему, во всяком случае, было послано.

В свое время Вы собирались приехать к баронессе, у которой пребывал или пребывает Алёша. Сообщите заранее, когда собираетесь: может быть, мы могли бы там встретиться.

Самый сердечный привет Вам, дочери и Виктору, который ко мне собирался заехать, но не успел.

Дружески жму Вашу руку.

Ваш Фёдор Степун

München 13, Ainmillerstraße 30, Telefon 33 99 19

22 октября 1964 года

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Разрешаю Вам сердиться на меня, так как Вы действительно имеете на то основание, но, к сожалению, и у меня основания сердить Вас. Моя жизнь, отчасти быть может, в связи с празднованием моего восьмидесятилетия, пошла галопом. Сидя на ней верхом, я иногда боюсь, что сия старая, но всё еще горячая кобыла сбросит меня у препятствия в канаву. Сей образ означает, что количество писем, частично от неизвестных людей, количество запросов, прежде всего американских студентов в связи с разрабатываемыми ими темами, превосходит все нормальные размеры. Станным образом почему-то обращаются ко мне, хотя пишут они свои докторские у американских профессоров. Даются темы, на которые ничего путного написать нельзя. Так, например, философия Владимира Эрна⁹⁵. Недавно пришло громадное письмо: докторант работает по новому методу анкетных вопросов. Мне он поставил вопросов пятьдесят на тему моих личных знакомств и отношений с немецким ученым миром, но и простым людям. Известно, что каждый дурак может задать самому умному человеку столько вопросов, что ответить на них умному невозможно. Очень много едет и народу, который, несмотря на закрытый телефон, всё же до меня доходит. Всё это не извинение, а только объяснение.

Пришлось написать и ряд статей. Навязали и четыре радиовещания. В известном смысле это хорошо, потому что радио и телевидение – единственный легкий заработок, а я, пока Марга и Галя еще не работают, считаю правильным не отказываться от легких денег. Это опять только объяснение.

Конечно, я мог бы давно прислать Вам книгу Позова⁹⁶. Если это не сделано, то только потому, что такие просьбы, а их очень много, всплывают в моей памяти, как щепки на воде: нырнут и унесутся. Сейчас напишу письмо здешнему книжному магазину с просьбой немедленно выслать Вам просимую книгу. Я не без труда провел ее в нашем издательстве.

Очень приятно было узнать, что в России не игнорируют русского религиозно-философского творчества. Знаю я, что частными путями в Советы проходят довольно много книг. Только что, между прочим, я получил письмо от Стахович из Зальцбруна, в котором она сообщает, что Александр Леонидович Пастернак⁹⁷ очень жалеет, что не может со мной переписываться, хотя

во Францию, Англию и Австрию он пишет без особых затруднений, правда, лишь родным или людям, не играющим роли в культурном мире. Очень обрадовало меня сообщение Стахович, что Александр Леонидович считает мою статью о брате, как и сам брат, лучшей из тех, которые попали ему в руки⁹⁸. Думаю, что через Женеву, быть может, можно будет обменяться письмами.

Были у меня Ваши дети: Алеша с Васей и его спутницей. Алеша выглядел очень хорошо. Судя извне по крайней мере, был и в хорошем настроении. Много острил и острословил, не всегда вполне удачно. Вася был худ. Спутница со мной очень мила. Спрашивали, приду ли я к ним в гости, на что я согласился. Затем была Ваша дочь с мужем⁹⁹. О моих симпатиях к дочери Вы знаете, муж мне тоже очень понравился. Понравился он и сестре и Гале, но рассказчик он не слишком красноречивый. Образа России или хотя бы Ахматовой, с которой два раза ужинал, не создал. Может быть, я ошибаюсь, но иной раз казалось, что он еще скован советской привычкой не слишком вольно раскрывать свои мысли и чувства.

Знаете ли Вы что-нибудь поближе о заместителе митрополита Анастасия?¹⁰⁰ Он в прошлом член патриаршей церкви, раз он очутился в эмиграции, надо предполагать, что он в ней ощущал себя ее противником, то есть был подлинно духовным пастырем. Но как подлинно духовный пастырь может возглавлять реакционнейшую юрисдикцию, мне не совсем понятно, как не понятно и то, что автокефальный осколок победоносного синода может канонизировать Иоанна Кронштадтского. Это может только церковь.

Ну вот, дорогая Татьяна Сергеевна, я и написал Вам большое письмо. Что я совсем не откликаюсь на Ваши письма, все-таки мне кажется легкое преувеличение. Кажется, в последнем было несколько робких соображений о Вашем раздвоении между здешним миром и христианской сверхздесьностью.

Сердечный привет.

Ваш Фёдор Степун

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Kroner, Richard (1884–1974) – философ, учился в Хайдельберге вместе со Степуном, затем во Фрайбурге защитил диссертацию у Г. Риккерта. Вместе со Степуном готовил сборник “Von Messias” (1909). Занимался изданием немецкого “Логоса”. В 1938 г. эмигрировал в Великобританию, в 1940 в США.

² Имеется в виду немецкий вариант журнала “Логос”, который был возобновлен после войны и революции.

- ³ Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) – выдающийся мыслитель – филолог, философ, культуролог, вошел в мировую науку как крупный славист – русист, украинист, богемист, полонист, кroatист. Друг и многолетний корреспондент Степуна, эмигрант, работал в Праге, очень много в Германии – в Галле, Марбурге, в пятидесятые годы в Гарвардском университете (США), затем вернулся в Германию, последние годы – директор Института славистики в Хайдельбергском университете. Многие его работы написаны по-немецки.
- ⁴ Речь идет о рецензии Д. Чижевского на статью С. Франка “Die russische Weltanschauung” (Scharlottenburg, 1926). Рецензия была опубликована под псевдонимом П. Прокофьев в “Современных записках”. 1927. Т. 33. С. 534–537.
- ⁵ Степун написал несколько статей на эту тему. Но поскольку речь в письме идет о немецком варианте “Логоса”, логично предположить, что он послал Франку свою статью из этого журнала. *Deutsche Romantik & Die Geschichtsphilosophie der Slawophilen // Logos. Band XVI. 1927. Heft I.* Таким образом, данная публикация, как и публикация рецензии Чижевского, позволяет определить и примерную дату письма.
- ⁶ Жена С.Л. Франка.
- ⁷ Основные направления русского театрального искусства (нем.). Степун был, как известно, признанным теоретиком театра и режиссером в пореволюционной России. К тому времени он выпустил книгу: “Основные проблемы театра”. Берлин: Слово, 1923.
- ⁸ Известна одна статья Франка, опубликованная в двух номерах немецкого “Логоса”: “Erkenntnis und Sein” // *Logos. 1928. Bd. 17. № 1. S. 165–195; Bd. 18. № 1. S. 231–261.*
- ⁹ Речь идет о книге С.Л. Франка “Предмет знания”.
- ¹⁰ Надо отметить контекст: гносеологический переворот Канта был назван “коперниканским”. Стало быть, движение Франка шло в докантовскую эпоху (как известно, любимый философ Франка был Николай Кузанский). В устах неокантианца Степуна этот интерес к докантовским моделям сознания особенно выразителен.
- ¹¹ Имеется в виду работа С. Франка, вышедшая на немецком языке: *Frank S. Die russische Weltanschauung. Scharlottenburg, 1926.* На русском языке см. в книге: *Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост., автор предисл. и прим. А.А. Ермичев. СПб.: Наука, 1996. С. 161–195.*
- ¹² Это была любимая мысль и тема самого Степуна. Одна из первых его статей посвящена как раз данной проблеме: “Немецкий романтизм и русское славянофильство” // *Русская мысль. 1910. № 3. Март. С. 65–91.*
- ¹³ Персонаж не установлен.
- ¹⁴ “Бесы” Достоевского и большевистская бесовщина (нем.).
- ¹⁵ Речь идет о книге военных очерков Степуна “Из записок прапорщика-артиллериста”.
- ¹⁶ Степун пишет о своей статье: Об общественно-политических путях “Пути” (Совр. записки (Париж). 1926. Кн. 29. С. 442–448).
- ¹⁷ Речь идет о статье Франка: “Религиозные основы общественности” (Путь. 1926. № 1. С. 9–30). Об этой статье Степун писал так в “Современных записках” (1926, кн. 29): “Посвященная религиозным основам общественности, статья С.Л. Франка всецело зиждется на пафосе раскаяния бывшего общественика. Она очень мудра в своем устремлении к вечности, но и совершенно слепа в смысле конкретного ощущения завтрашнего дня” (*Степун Ф.А. Соч. М.: РОССПЭН, 2000. С. 864.*)

- 18 Мут Карл (Muht Carl) – публицист (1867–1944) и издатель (с 1903 по 1941) основанного им католического ежемесячника “Hochland” (“Хохланд”), в котором часто печатался Степун.
- 19 Статья Франка “Konstantin Leontjew, ein russischer Nietzsche” была опубликована у Карла Мута (Hochland. 1928/1929. № 6. S. 613–632).
- 20 Бубер (Buber), Мартин (1878–1965) – религиозный философ, 1924–1933 профессор философии в университете во Франкфурте. В 1933 г. эмигрировал в Швейцарию, затем в Палестину. С 1938 г. профессор философии Иерусалимского университета.
- 21 Название лекции зачеркнуто чернильной чертой. О влиянии немецкого романтизма на русское славянофильство Степун писал не раз.
- 22 Ныне – Гданьск.
- 23 Теперь – Даугавпилс.
- 24 Алексей Дмитриевич Оболенский, князь (1855, Санкт-Петербург – 1933, Дрезден).
- 25 Вероятно, речь идет о статье Франка “Erkenntnis und Sein”.
- 26 Хозяин банкирского дома “Мендельсон”.
- 27 Очевидно, речь идет все о том же князе Алексее Дмитриевиче Оболенском, у которого был свой дом в Дрездене, где он принимал известных русских эмигрантов: от Н.А. Бердяева до С.Г. Рахманинова. А.Д. Оболенский был одним из основателей общества Вл. Соловьева, где заметную роль играл Степун.
- 28 Тиллих (Tillich), Пауль (1886–1965) – немецкий религиозный мыслитель протестантского вероисповедания. До 1933 г. – профессор философии в Марбурге и Франкфурте. После прихода к власти нацистов эмигрировал в США, профессор Нью-йоркского и Гарвардского ун-тов. Долголетний корреспондент Степуна.
- 29 Возможно, речь идет о профессоре А.И. Каминке. Каминка Август Исаакович (1865–1940) – общественно-политический деятель, публицист, издатель, приват-доцент Петербургского университета (1904–1912), профессор права Высших Бестужевских курсов (с 1909), член ЦК партии кадетов, в 1918 эмигрировал в Финляндию, с 1920 г. жил в Берлине, соучредитель издательства “Слово”, сотрудник редакции газеты “Руль” (1920–1931).
- 30 Миросозерцание Достоевского (нем.). Позднее на эту тему Степун написал статью.
- 31 Русская интеллигенция и ее значение в революции (нем.).
- 31^a Цикл статей Степуна, печатавшийся в парижских “Современных записках” в 20–30-е годы XX в. Полностью опубликован в: *Степун Ф.А. Соч. / Сост. предисл., коммент. и библиогр. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000.*
- 32 Религиозно-философская академия была открыта в Берлине 26 ноября 1922 г. Ее основателем считается Бердяев при содействии Американского христианского союза молодых людей. И Степун, и Франк принимали активное участие в ее работе.
- 33 Русский академический союз в Германии, или Берлинская академическая группа была основана профессором А.И. Каминкой. 3 июня 1920 г. профессор А.И. Каминка собрал всех находившихся в то время в Берлине преподавателей высших учебных заведений для организации в Берлине общения русских ученых. Это собрание и стало учредительным. Цель Союза – объединение русских ученых в Германии, защита их научных, правовых и профессиональных интересов, забота о русских студентах в Германии. Первая конференция состоялась в Праге в 1923 г.
- 34 Может быть, речь о статье Франка “По ту сторону правого и левого”.

- 35 Вишняк Марк Вениаминович (1882–1975) – эсер, эмигрант, сотрудник “Современных записок”, “Русской мысли”, мемуарист, оппонент Степуна в течение сорока лет. Это важно отметить, чтобы понять некоторую неуверенность Степуна в реакции Вишняка. Даже в некрологе тот не удержался от полемической интонации: “Мои отношения к Степуну базировались всегда на откровенности. (...) Он всегда был со мной исключительно корректен, предупредителен и любезен, – даже когда моя, может быть чрезмерная, откровенность не могла его не задеть. Он был оппонент-джентельмен, оперировавший рапирой, а не дубиной. (...) Хотя от большинства взглядов и оценок Ф. Степуна я всегда отталкивался, он тем не менее сыграл в моей жизни благотворную роль идейного “катализатора”, способствовавшего уяснению и формулировке моих собственных взглядов и оценок” (*Вишняк М. Памяти Ф.А. Степуна // Русская мысль. 1965. № 2277, 4 марта С. 5*).
- 36 Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков) (1880–1942), публицист, издатель, общественно-политический деятель. До революции член ЦК партии эсеров, в 1918 г. эмигрировал во Францию. Организовал журнал “Современные записки”, совместно со Степуном и Федотовым издавал “Новый град”. Погиб в Освенциме.
- 37 Намек на работу Бердяева “Новое средневековье”. Была сразу переведена на несколько европейских языков.
- 38 Руднев Вадим Викторович (1879–1940) – эсер, в 1917 г. московский городской голова, эмигрант, один из ведущих редакторов “Современных записок”.
- 39 В 1930 г. у Франка вышла книга “Духовные основы общества” (Париж: ИМКА-Пресс, 1930).
- 40 Маленькая открытка, густо исписанная, адресованная: Herrn Prof. Dr. Frank. Berlin Kalensee, Nestorstrasse 11.
- 41 Эрнст Кассирер (1874–1945) – немецкий неокантианец. Сохранилась переписка Степуна с Кассирером.
- 42 “Само собой разумеется, я с удовольствием увижусь с профессором Франком, чтобы поговорить с ним о его докладе” (нем.)
- 43 Luther Arthur (1876–1955) – историк литературы, родился в Орле (Россия), преподавал Степуну русскую литературу в немецкой школе в Москве, учился в Берлине, Хайдельберге и Лейпциге, умер в Баден-Бадене. Его называли посредником между немецкой и русской литературой и духовной историей. Работал как библиограф и доцент с чтением лекций о новой русской литературе.
- 44 Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958), родился в Царском Селе, сын придворного фотографа, поэт, ученик Н.С. Гумилева. В 1922 г. Оцуп эмигрировал. Первое время жил в Берлине, затем переехал в Париж. В начале войны он был арестован за антифашистские убеждения, отправлен в концлагерь, откуда бежал и вступил в итальянское Сопротивление. Умер в Париже. Автор сборников стихов, романа “Беатриче в аду” и нескольких томов мемуаров.
- 45 Ида Штейнберг (?) – переводчица с русского на немецкий, в частности переводила прозу И. Бунина – “Жизнь Арсеньева”.
- 46 Lieb Fritz (1892–1970) – швейцарский теолог евангельско-реформистской церкви, автор книг: *Revolution, Kirche und Christentum*, (Basel; 1921); *“Bader und Kant”* (Diss. theol., Basel, 1923); *“Franz von Baaders Frühentwicklung”* (Habil, 1924); *“Franz Baaders Jugendgeschichte. Die Frühentwicklung eines Romantikers”*. (München, 1926); *“Die Stellung der russischen orthodoxen Kirche zur revolutionären Staatsgewalt”*. (Antrittsrede anl. der Umhabilitierung von Basel nach Bonn, 1930 // *Theol. Blätter*, 1931, S. 89–98); *“Christ und Antichrist im Dritten Reich. Der Kampf der deutschen Bekenntniskirche”* (Paris, 1936).

- 47 Письмо напечатано на машинке.
- 48 Галле (Halle) – университетский город Восточной Германии.
- 49 Зибекк Пауль (Siebeck, Paul) – руководитель знаменитого издательства в Тюбингене “J.C.B. Mohr (Paul Siebeck)”, оплота юго-западного немецкого неокантианства и либерального культур-протестантизма. Зибекк был первым издателем журнала “Логос”.
- 50 Риккерт Генрих (1863–1936), неокантианец, был с 1894 профессор Фрайбургского, с 1916 — Хайдельбергского университетов, где он сменил В. Виндельбанда, у которого учился Степун. Существенно отметить, что и Виндельбанд и Риккерт поддержали в 1909 г. идею о создании журнала “Логос”, связав молодых русских и немецких студентов с издателем Паулем Зибекком, а название журнала предложил Риккерт.
- 51 См.: *Чижевский Д.И.* Философия Сквороды. Париж, 1934.
- 52 Рудольф Рёсслер (össler) (1897–1958) – издатель.
- 53 Формы европейского самоутверждения (нем.).
- 54 Евсей Давидович Шор (1891–1974) – ученик Гуссерля, музыкант, искусствовед, философ, историк русской мысли, друг и доверенное лицо В.И. Иванова.
- 55 Письмо напечатано на машинке.
- 56 Виктор Семенович Франк (1909–1972) – журналист; сын С.Л. Франка, работал на радиостанции Би-Би-Си.
- 57 Василий Семенович Франк (1920–1996) – младший сын С.Л. Франка.
- 58 Письмо не обнаружено.
- 59 В 1948 г. Степун был уверен, что “Непостижимое” должно выйти, о чем с уверенностью извещал архиепископа Иоанна Сан-Францисского: «По моей рекомендации выходит книга о. Георгия “Пути русского богословия” и “Непостижимое” Франка» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vladyka Ioann.).
- 60 Flügel Heinz (1907–1993) – публицист, писатель. После Второй мировой войны редактировал католический журнал “Hochland”, в 1951–1960 гг. был издателем евангелического журнала “Eckart”, где сотрудничал Степун.
- 61 Ересь утопизма
- 62 Интересно, что Франк сегодня один из самых известных русских философов в Германии, уже подготовлен и выходит в переводе на немецкий язык его восьмитомник.
- 63 Мария Михайловна Кульман (1901–1965; урожд. Зернова) – жена Г.Г. Кульмана. Густав Густавович Кульман (1896–1961) – швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных “на философском пароходе”, помогал в их трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала “Путь”, работал в “Имкапресс”, с 1931 г. – в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. – заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Степун был его многолетним другом, начиная с 20-х гг.
- 64 Степун чрезвычайно высоко ценил этот трактат Франка. Он писал о нем в Новом журнале (1965, № 81): «Являясь последним словом теоретической философии, “Непостижимое” всё же не является у Франка последним словом его религиозного мирозерцания. Закрытый разуму вход в Непостижимое открывается вере, которая войдя в Непостижимое, *обретает* его как живого Бога. Этот акт превращения Непостижимого в опыт постигаемого верой Бога, является *мистическим центром* философии Франка. Неразрешимый в

- порядке отвлеченного богословствования вопрос *теодицеи*, т.е. вопрос оправдания мирового зла, разрешается у Франка данным ему опытом, что Бог узнается только в трагическом борении и в муках человеческого существования. Этот спасительный опыт неосуществим, однако, односторонними человеческими усилиями; он возможен только потому, что Бог сам открывается человеку, молитвенно устремленному к Нему как к своему спасителю» (Степун Ф.А. Вера и знание в философии Франка // Соч. М.: РОССПЭН, 2000. С. 787).
- ⁶⁵ *Vergangenes und Unvergängliches*: In 3 Bd. München. Kösel Verlag. 1947–1950.
- ⁶⁶ 23 ноября 1951 г. Степун получил следующий отзыв из издательства по поводу рукописи “Непостижимого”: “Рукопись, которую Вы любезно нам передали, мы прочитали с большим интересом и, по нашему мнению, она, пожалуй, заслуживает того, чтобы быть напечатанной. Однако, к сожалению, господин д-р. Вильд не может решиться взять рукопись в издательство, так как издательство перегружено большим объемом продукции на длительный срок, по этой причине он позволил себе отослать Вам назад рукопись, приложив отзывы о Франке, с сердечной благодарностью” (Archiv der Stadtbibliothek München // Архив мюнхенской городской библиотеки (Германия). Ana 390 II. A. S. 54).
- ⁶⁷ Степун не оставлял усилий опубликовать в этом издательстве книгу Франка. 6.12.52 он писал издателю: «Издание “Непостижимого” (des “Unerkennbaren”) было бы для западноевропейской философии довольно значительным и явилось бы истинной заслугой издательства Кёзель. Мне очень жаль, что Вы не смогли решиться на эту публикацию» (Universitätsbibliothek Eichstätt // Архив университетской библиотеки г. Айхштетт (Германия). NL. 46. I. S. 57). Эта переписка с издательством “Kösel” по поводу рукописи С. Франка была опубликована мной в журнале “Вопросы философии”. (1999, № 4).
- ⁶⁸ Скорее всего речь идет о ровеснике Степуна философе Иване Александровиче Ильине (1883–1954).
- ⁶⁹ Ландау Григорий Адольфович (1877–1941) – философ, публицист, эмигрировавший после Октябрьской революции в Германию, автор знаменитой ныне работы “Сумерки Европы” (1914), во многом предвосхитившей шпенглеровский “Закат Европы”. Под тем же названием в Берлине вышел сборник его статей в 1923 г. Арестован в 1941 г. органами НКВД в Риге и умер в тот же год в лагунке Усольлага. См. о нем: *Цимбаев Н.И.* Михаил Гершензон и Григорий Ландау: спор и согласие (историософия на развалинах империи) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. М.: РОССПЭН, 2005. С. 369–384.
- ⁷⁰ Текст был опубликован позже, см.: *Степун Федор*. В русской провинции // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1954. Кн. 37. С. 165–182.
- ⁷¹ Можно предположить, что эта работа в конечном счете была реализована в книге Степуна “*Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus*: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block”. (München, Carl Hanser Verlag, 1964. S. 442).
- ⁷² Не установленное лицо.
- ⁷³ Видимо, имеется в виду рецензия Степуна на “Сборник памяти Семена Людвиговича Франка”, (Мюнхен, 1954), опубликованная в “Новом журнале” (1955. Кн. 42. С. 284–290).
- ⁷⁴ Степун боролся за публикацию этой статьи. Сохранилось его письмо от 3 мая 1955 г. издателю журнала “Ескарт” Г. Флюгелю: «Я посылаю Вам манускрипт, который, возможно, заинтересует Вас. Это работа, может быть, значи-

тельнейшего русского философа 20 столетия Семена Франка о так мало известном в Германии Пушкине. К сожалению, последние страницы перевода я затерял и не могу их быстро в сей момент найти. На длительные поиски у меня нет времени. Но я надеюсь, что Вы и без последних страниц поймете и сообщите мне, возможно ли поместить в "Eskart" статью Франка. Франк – хороший писатель, глубокий мыслитель и также знаток Пушкина. Может, пишет он слишком по-русски, т.е. слишком широко. Вы могли бы статью подсократить и также, смотря по обстоятельствам, изменить. Меня бы очень порадовало, если бы Вы смогли ближе представить Пушкина немецкому читающему кругу». Как следует из ответного письма Флюгеля от 21 июня 1955 г., речь шла о статье С. Франка "Пушкин как религиозный мыслитель". *Степун Федор*. Немецкие письма // Публ., пер. с нем. и коммент. В.К. Кантора // Вестник Европы. 2001. Т. III. С. 186–191.). Статья не была опубликована в "Eskart". Флюгель счел ее слишком сложной для немецкого читателя, интересной, но лишь для тех, кто Пушкина уже знает и сможет понять причину спора о религиозности поэта.

- 75 Речь идет об Алексее Семеновиче Франке (1910–1969), втором сыне Франков. Сами родители называли его трудным ребенком, неудачником с золотой душой. Учился балету, гастролировал, был женат на балерине. Участвовал в движении Сопротивления, воевал в американской армии, лишился глаза и двух пальцев на правой руке. Остался инвалидом, жена от него ушла, до конца жизни был на попечении матери.
- 76 Львов Лоллий Иванович (1888–1968) – литературовед, критик, член Центрального Пушкинского Комитета и Комитета по сооружению памятника А.С. Пушкину в Париже.
- 77 Лицо не установлено.
- 78 Речь идет об изданной посмертно книге Франка: "Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия" (Париж. 1956).
- 79 Эта рецензия Степуна не известна.
- 80 Очевидно, речь идет о книге статей Франка: "Этюды о Пушкине" (Мюнхен, (1957). 127 с.).
- 81 Можно предположить, что из этого доклада выросла известная статья Степуна о Пушкине: "Духовный облик Пушкина" (1962).
- 82 Персонаж письма не установлен.
- 83 Не установлен ни автор, ни роман.
- 84 На эту тему у Степуна есть статья под тем же названием.
- 85 Сложенный вдвое лист бумаги в траурной рамке. На первой странице текст типографски набран по-немецки, внутри – письмо к Т.С. Франк на машинке.
- 86 Смерть моей жены принесла в мой дом сотни писем. В них сказаны такие глубокие слова понимания сущности покойной и ночи боли, которая меня охватила, что я охотнее всего тотчас же ответил бы всем персонально и очень индивидуально. Это, по меньшей мере в настоящее время, совершенно невозможно. Таким образом, как я вижу, я вынужден кратким и по необходимости холодным печатным текстом поблагодарить всех тех, которые мне полными любви словами и цветами так помогли и, я знаю, будут помогать дальше. Фёдор Степун (пер. с нем. В.К. Кантора).
- 87 Письмо написано от руки, малоразборчивым почерком.
- 88 Очевидно, дочь философа Е.Н. Трубецкого.
- 89 Речь идет о Марге Степун, сестре философа, и Галине Кузнецовой, последней возлюбленной Ивана Бунина, от которого она ушла к Марге.

- 90 Речь идет о праздновании восьмидесятилетия Ф.А. Степуна, которое при этом весьма широко отмечалась и в немецких газетах. Далее тщательно вымараны три строчки.
- 91 Слово зачеркнуто карандашом.
- 92 То есть Марга Степун и Галина Кузнецова.
- 93 Не найдено.
- 94 См.: *Степун Ф.А.* Дмитрий Иванович Чижевский // Русская мысль. 1964. № 4.
- 95 Известно, что В.Ф. Эрн (1862–1917) – дореволюционный и самый жесткий оппонент Степуна. Очевидно, что некоторое раздражение Степуна, связанное с данной диссертационной темой, объясняется именно этим обстоятельством. В свое время он даже восклицал: “Почему Вл.Ф. Эрн всюду и всегда творит произвол. Мне кажется, что причину надо искать в том, что сила убежденности Эрна в правде *интуитивизма* отнюдь не соответствует глубине и широте его *интуиции*” (*Степун Ф.* Русские мыслители. Г.С. Сковорода Вл. Эрна. К-во “Путь” // Логос. 1913. Кн. 3–4. С. 354).
- 96 Скорее всего речь идет об Аврааме Самуиловиче Позове (1890–1984), авторе нашумевшей в свое время книги с предисловием Фёдора Степуна: “Логос – медитация древней Церкви” (Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1964).
- 97 Александр Леонидович Пастернак (1893–1982), архитектор, брат поэта Бориса Пастернака.
- 98 В письме к Г.П. Струве от 12.09–16.10. 1962 г. А.Л. Пастернак писал: «Конечно, Вы читали статьи Франка, Степуна – последняя (в “N Rundschau” 59 г.) очень верная и нужная. Думается, что Б.Л. ее читал (я обнаружил ее у Б.Л. в архиве) и м.б. что-либо писал Степуну» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, Ms. Coll Weidle, Struve, Gleb Petrovich. To Wladimir Weidle). Известно два письма Б.Л. Пастернака Степуну – от 30 мая 1958 г. и от 10 июня 1958 г.
- 99 Речь идет о Наталии Семеновне Франк (1912–1999), дочери С.Л. и ее муже Питере Нормане, хорошо знавшем русский язык, литературоведе, часто бывавшем в СССР, известном в литературных кругах Москвы.
- 100 Заместитель не установлен. А митрополит Анастасий (Грибановский Александр Александрович; 1873–1965) – известный религиозный деятель русского зарубежья. Покинул Россию в 1919 г. Управлял русскими православными общинами в Константинополе. С 1924 по 1935 г. возглавлял русскую миссию в Палестине. Митрополит (1935). С 1936 по 1964 г. стоял во главе Русской Зарубежной Церкви (Синодальной) в сане митрополита. Осенью 1944 г. эвакуировался вместе с Архиерейским синодом и канцелярией в Вену, в 1945 г. – в Мюнхен, а с 1950 г. – в США. С 1964 г. на покое. Скончался 9 (22) мая 1965 г. в Нью-Йорке.